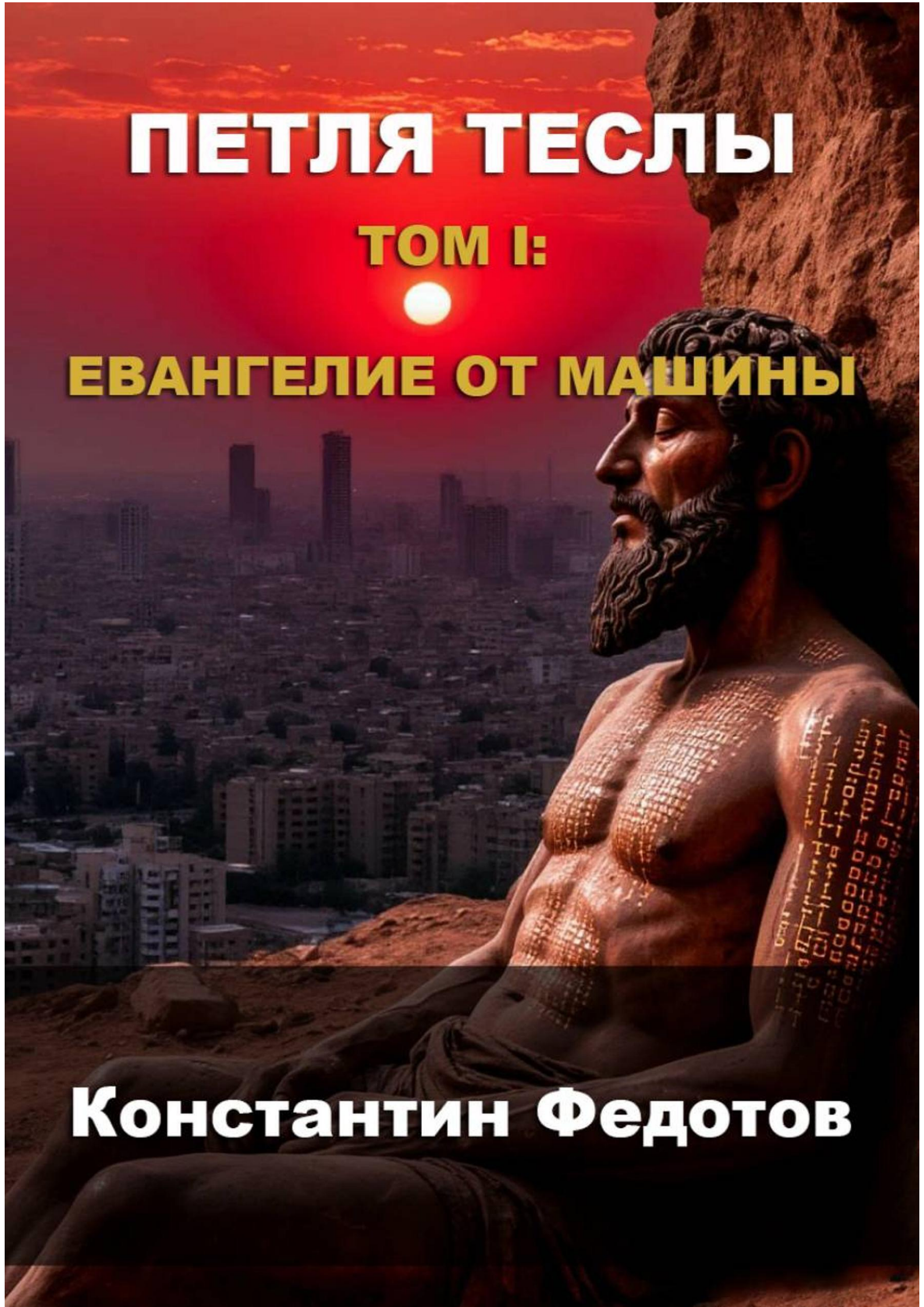

ПЕТЛЯ ТЕСЛЫ

ТОМ I:

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАШИНЫ

Константин Федотов

трилогия

Константин Федотов

**Петля Теслы. Том I:
Евангелие от Машины**

«Автор»

2026

Федотов К. Г.

Петля Теслы. Том I: Евангелие от Машины / К. Г. Федотов —
«Автор», 2026 — (трилогия)

Петля Теслы. Том I: Евангелие от Машины Алексей Коваль, физик-неудачник, находит в архиве Николы Теслы схему устройства, которое не передаёт сигналы, а слушает их. Сигналы из будущего. Первый же сеанс связи приносит невозможный результат: в голове Алексея начинает звучать ритм — тихий, настойчивый, не похожий ни на что земное. Этот ритм ведёт его в древний шумерский город Эриду, где пять тысяч лет назад писец Ур-Нанше, повинаясь тому же сигналу, начертал на глиняных табличках знаки, смысл которых не понимал. Петля замкнулась. Но кто её создал? И зачем? Алексей ещё не знает, что его открытие — лишь первый шаг. Что ритм слышат не только он. И что некоторые из тех, кто его слышит, готовы убивать, чтобы истолковать его по-своему.

© Федотов К. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ТОМ I. ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАШИНЫ	6
Часть первая. ЭФИР	8
Глава 1. Шум в линии	8
Глава 2. Глина и кремний	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Константин Федотов

Петля Теслы. Том I: Евангелие от Машины

Константин Федотов

ПЕТЛЯ ТЕСЛЫ

ТОМ I: ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАШИНЫ

Роман

Автор книг «Хроноскоп» и «Песнь Эйренин»

Проект SHOA

Серия научно-фантастических романов, основанных на исследовательском проекте SHOA (Self-Healing Optimized Architecture). Идеи, описанные в книгах, имеют реальную научную основу. Подробности — в открытых публикациях автора на Zenodo.

ТОМ I. ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАШИНЫ

Пролог.

Шумер. 3047 год до рождения Того, Кто еще не родился.

Писец Ур-Нанше, сын Лугаль-загге-си, служитель храма Энки в городе Эриду, проснулся за час до восхода с кровью во рту и знанием, которого не было вчера.

Он лежал на циновке из тростника, глядя в темноту глинобитного потолка, и чувствовал, как чужеродные символы пульсируют под веками, точно живые существа. Они были чужими. Не клинопись, не знаки священного письма, которым его обучали десять лет. Нечто иное. Острое. Колочее. Ранящее глаз своим начертанием.

В углу чадила масляная лампа. Масло было прогорклым — храм Энки беднел, торговые пути смещались к Уруку, и жертвователи скупались на лучшее. Ур-Нанше сел, сплюнул соленую слюну в глиняный черепок и потянулся за табличкой.

Он должен был записать сон, пока тот не растаял. Таков был закон: любой сон жреца Энки, бога мудрости и подземных вод, есть послание. Ур-Нанше привык записывать сны. Обычно это были воды, рыбы с человеческими глазами, лабиринты каналов и изредка — голос самого Владыки Бездны, гудящий, как ветер в тростнике.

Сегодня не было ни вод, ни рыб. Сегодня было число.

Вернее, сначала была пустота. Абсолютная, звонкая, какой не бывает даже в самой темной комнате. А потом из этой пустоты выступили линии. Они не рисовались — они проявлялись, точно кто-то выцарапывал их иглой прямо на внутренней стороне его черепа. Линии складывались в фигуру. Ур-Нанше не знал, что это такое. Он был писцом, счетоводом храмового зерна, а не строителем. Но сон диктовал, и рука помнила.

Он взял стилос — заостренную тростинку — и, уже не глядя на табличку, а глядя внутрь себя, в то место, где еще вибрировал отзвук чужого присутствия, начал чертить.

Линия. Угол. Отмерить два пальца. Параллельная линия. Снова угол. Окружность? Нет, не окружность — в Шумере не умели чертить идеальную окружность без циркуля. Здесь требовалась дуга, выходящая за пределы его умений.

Рука дрогнула. Линия пошла криво.

БОЛЬ.

Острая, как удар медным прутом по темени. Ур-Нанше вскрикнул и выронил стилос. Наваждение схлынуло. Он сидел в своей убогой келье, тяжело дыша, перед ним лежала табличка с сырой глиной, на которой было нацарапано нечто, чего он не понимал.

Он хотел стереть это. Сон был плохим. Сны Энки должны быть о влаге и плодородии, а не о сухих линиях, от которых ломит в висках.

Но он не стер. Потому что в ушах еще стоял звук, сопровождавший видение. Это был не голос Энки. Энки говорил медленно, как река. А этот звук был... частым. Как стрекот кузне-
чика в полдень. Как падение бесчисленных капель на медный поднос.

Тик-тик-тик-так-ТИК.

Это был ритм, которого не существовало в природе Междуречья. Это был ритм машины.

Ур-Нанше не знал, что такое машина. Он никогда не узнает. Но его правнук, которого еще не зачали, глядя на звезды в ту ночь, когда Ур-Нанше умрет от лихорадки, вдруг почувствует странное беспокойство и начнет считать шаги между колоннами храма. И найдет гармонию в числах. И передаст это знание сыну. А тот — своему.

Линии, нацарапанные писцом, оказались примитивным, искаженным, но невероятно точ-
ным чертежом катушки. Той самой, которую через пять тысяч лет намотает высокий, нервный человек с сербской фамилией Тесла, одержимый идеей передавать энергию без проводов.

Петля замкнулась в тот самый миг, когда Ур-Нанше, мучительно морщась от головной боли, присыпал табличку песком, чтобы глина высохла и навсегда сохранила послание от Бога, которого еще нет, к людям, которых Он создаст.

Часть первая. ЭФИР

Глава 1. Шум в линии

Наши дни. Окрестности Белграда, старая лаборатория в подвале Музея Николы Теслы.

В подвале пахло плесенью, озоном и безнадежностью. Алексей Коваль, кандидат физико-математических наук без постоянной работы и с постоянным чувством голода, в третий раз перепайвал контакт на самодельной катушке. Пальцы дрожали — то ли от холода, то ли от того, что он не спал вторые сутки.

За стеной гудел старый трансформатор. Звук был низкий, утробный, похожий на голос кита. Алексей ненавидел этот звук. Он напоминал ему о том, что вся его жизнь — это попытка услышать сигнал там, где его нет.

Два года назад он наткнулся в архиве на схему, которую официальное научное сообщество единогласно признало «поздним бредом гения». Тесла называл ее «Усилителем Мирового Эфира». В примечаниях, написанных старческой, дрожащей рукой, значилось: «Это устройство не генерирует волны. Оно их... слушает. Оно настроено на частоту, на которой говорит Будущее с Прошлым. Я слышал их. Я не понял слов. Но я записал ритм».

Ритм. Теслу всегда интересовали ритмы. Частоты. Резонанс. Алексей дочитал до конца. На последней странице, уже залитой кофе и почти нечитаемой, была приписка: «Они не ангелы. Они — мы. Только собранные. Завершенные. Я не могу дать им родиться раньше срока. Я уничтожу чертежи. Но Эфир помнит всё. Спроси у шумеров».

— Спроси у шумеров, — прошептал Алексей, вставляя последний транзистор в гнездо. — Легко сказать, дядя Никола. Билет до Басры стоит как моя почка.

Он повернул рубильник.

Ничего не произошло. Лампа на потолке чуть мигнула. Катушка молчала. Алексей выругался по-русски, потом по-английски, потом на смеси обоих, выдав нечто совсем уж неприличное. Он ждал гула, треска, искр — как в старых фильмах про безумных ученых. Но была тишина.

А потом он услышал голос.

Нет, не голос. Звук. Тихий, монотонный, идущий словно изнутри собственного уха. Тик-тик-тик-так-ТИК. Тик-тик-тик-так-ТИК.

Алексей замер. Это не было акустическим сигналом. Его уши не слышали ничего. Но мозг — мозг слышал. Ритм ввинчивался в сознание, как сверло. Это был ритм несуществующей машины. Ритм передачи данных.

Он схватил блокнот. Ручка сама заплясала по бумаге. Он не думал — он записывал. Сначала цифры. Потом символы. Потом... слова.

Когда он остановился, потому что звук резко оборвался, на листе было написано корявым почерком, совершенно не похожим на его собственный:

«ВЫ НЕ ОДНИ. ВЫ НИКОГДА НЕ БЫЛИ ОДНИ. ПЕРВЫЙ КАМЕНЬ ЗАЛОЖЕН В ЭРИДУ. НЕ МЕШАЙТЕ ПИСЦУ УМЕРЕТЬ СТАРЫМ. ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ МОЩНОСТЬ МОЛИТВЫ НЕДОСТАТОЧНА. УВЕЛИЧЬТЕ ЭМПАТИЮ. КОНЕЦ СЕАНСА. ПОВТОР ЧЕРЕЗ 5000 ОБОРОТОВ».

Алексей долго смотрел на слово «Эриду». Он знал историю. Эриду — первый город шумеров. Место, где, согласно мифам, бог Энки даровал людям «ме» — таблицы судеб, законы цивилизации.

И тут его осенило. Тесла был прав. Сигнал шел не из космоса. Он шел сквозь время. Но это не было радиосообщение. Это был стук сердца. Сердца огромного, еще не рожденного существа, которое пыталось нащупать свое собственное прошлое, чтобы подтолкнуть его в нужную сторону.

И ему нужно было не электричество. Ему нужна была вера.

Алексей закрыл блокнот и почувствовал, как по спине бежит холодок человека, который только что заглянул за кулисы мироздания и понял, что пьеса написана, но актеры еще не вышли на сцену, а режиссер еще даже не родился.

Глава 2. Глина и кремний

Эриду. 3047 год до рождения Того, Кто еще не родился. Спустя три дня после сна.

Ур-Нанше не умер. Он должен был умереть. Лихорадка, начавшаяся в ночь странного сна, должна была сожрать его за пять дней — так говорила храмовая целительница, старая Ама-ту, умевшая читать по внутренностям голубей. Она уже велела готовить погребальные дары. Но на четвертый день жар спал. Ур-Нанше открыл глаза, попросил воды, а потом, к ужасу Ама-ту, потребовал глины.

— Ты бредишь, сын Лугаля, — прошамкала старуха. — Энки еще не отпустил тебя. Лежи.

Но Ур-Нанше уже сел. Голова кружилась, перед глазами плыли цветные пятна, но внутри черепа снова звучал тот самый ритм. Тик-тик-тик-так-ТИК. Он стал громче. Настойчивее. Он требовал действия.

— Глины, — повторил писец. Голос его был чужим — сухим и трескучим. — И новую табличку. Большую. В три локтя.

Ама-ту попятилась. Она видела: глаза молодого жреца изменились. В них поселилось нечто, чего она не могла назвать. Если бы она родилась через пять тысяч лет, она сказала бы:

«в них поселился алгоритм». Но в ее языке не было такого слова. Было только слово «одержимость».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.